

О. А. Оберемко

ЧИКАГСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА ГАРОЛЬДА ЛАССУЭЛЛА

Оберемко Олег Алексеевич — аспирант Института социологии РАН.

Гарольд Лассуэлл (1902-1978) — один из наиболее ярких представителей Чикагской школы социологии. Им написаны сотни работ, в которых исследуются различные стороны и уровни социальной и политической жизни. Диапазон его интересов огромен.

Американские коллеги квалифицируют лассуэлловскую систему как глобалистскую и логически строгую (*worldly and thoughtminded*) [1, p. 297], что, по-видимому, является русским эквивалентом одновременной «полноты и стройности»; другие прибегают к сравнению с готическим собором, имея, очевидно, в виду грандиозность и изощренность малопонятного и, в какой-то степени, враждебного для «среднего» американца сооружения. Но и критики, и апологеты единодушно признают величие теоретической конструкции, которую он возводил в течение почти шестидесяти лет напряженной научной деятельности.

При всей широте интересы Лассуэлла были подчинены одной стратегической цели - создать систему политических наук, пригодную для повышения роли рационального компонента в процессе принятия управленческих решений, независимо от характера проблемы и уровня ее рассмотрения. «Науки являются политическими, если они проясняют процесс ведения политики в обществе или поставляют данные, необходимые для выработки рациональных суждений по политическим вопросам,» — писал Лассуэлл в книге «Личность и политика» [2, p. 120].

Социальная философия и позитивная политическая наука. Постановка и достижение целей - суть два различных вида политического действия. В настоящее время такое разграничение общепринято, но оно не было очевидным для многих политиков начала века. При реализации решений используются знания о функционировании аксиологически нейтральных внутрисистемных механизмов и механизмов взаимодействия с внешним миром субъектов социально-политических процессов, в качестве которых Лассуэлл рассматривал общество в целом, социальные, политические и другие институты, группы и отдельных индивидов. Реализация решений основывается на научном позитивном знании, добытом в ходе изучения фактов прошлого и установления эмпирических корреляций (закономерностей) между ними.

Процедура постановки целей связана с выбором приоритетных направлений политического действия для достижения того, чего нет в актуальной реальности и не было в прошлом опыте. Это сфера не позитивного знания, а волюнтаристского установления нормативов. *Ex post factum* их можно выводить из общекультурного, философского, религиозного и других контекстов, с одной стороны, и различных «бытовых» контекстов человеческого существования, с другой. Такое выведение будет чисто дескриптивной операцией, которую ни в коем случае нельзя смешивать с научным обоснованием.

Позитивной науке, в системе Лассуэлла, отводилась роль определять границы возможного для политического действия на основе анализа личностно-субъективных и социально-принятых (или приемлемых) ценностных ориентиров с тем, чтобы общество в процессе своего развития оставалось относительно стабильным при сохранении социальной эффективности. Залог стабильности и эффективности — соответствие поставленных целей с доступными средствами их достижения. На теоретическом уровне мы имеем здесь проблему разграничения и

объединения социальной науки и социальной философии.

Своей основной задачей Лассуэлл считал «прояснение» абсолютных, метафизических формулировок традиционных демократических ценностей путем их соотнесения с контекстом политической реальности и свойствами человеческой натуры. «Прояснение» ценностей заключалось в их инструментальном формулировании в виде моральных целей. Этап инструментализации (операционализации) в рамках ориентированной на естественнонаучные стандарты политической науки явился бы основой для рационального достижения поставленных целей.

Прикладной и гуманистический аспект политической науки должен был, по мнению Лассуэлла, реализоваться в науке о демократии, сравнимой с медициной. Как и медицина, которая, будучи отраслью биологии, рассматривает лишь один аспект жизнедеятельности организма, а именно процессы протекания болезней и методы лечения, так и *демократическая наука* (научный демократизм?) призвана контролировать факторы, от которых зависит демократический порядок (здоровье) общества [3, р. 7]. Демократическая наука, с точки зрения Лассуэлла, оставаясь на естественнонаучной основе, носит телеологический характер.

Операционализация «метафизических» ценностей. Переходя к этапу операционализации, Лассуэлл провозглашает главной целью демократии — обеспечение человеческого достоинства. Это понятие раскрывается им через три основные ценности демократии — власть, уважение и знание, которые по своей природе являются метафизическими, поскольку единственное их обоснование — определенная социально-философская традиция. Широкий доступ к указанным ценностям отличает свободное общество.

Далее, операционализации подвергается понятие политической власти: это — функция управления обществом, которая состоит во внедрении важных решений. Важность решений измеряется степенью их влияния на распределение ценностей, то есть объектов, к которым стремятся члены данного общества. Власть индивидов и социальных групп измеряется фактическим их участием в принятии важных решений. Конкретное определение власти и политики зависит от природы и объема принимаемых в расчет ценностей. Если для некоторых политических проблем достаточно бывает ограничиться силовыми действиями, то для более масштабных исследований потребуются учитывать обратную связь. При всестороннем подходе могут быть включены ценности безопасности и благосостояния. В этом случае политическая наука окажется тождественной науке социальной, поскольку будет рассматривать все типы влияния и виды влиятельного [3, р. 7].

Уважение, как базовая ценность, негативно определяется Лассуэллом, как невмешательство извне в сферу личностного выбора, положительно — как равный доступ к реализации индивидуальных способностей в социально значимых формах выражения [3, р. 42]. Знания обеспечивают индивиду средства самореализации и расширения контроля над имеющимися в обществе ценностями.

Лассуэлл придерживался известной доктрины «баланса сил», согласно которой при декларируемой неоднородности общества равный доступ к базовым ценностям может быть обеспечен лишь в условиях его внутреннего равновесия и стабильности демократических институтов. Основной функцией государства при этом является поддержание динамического равновесия в обществе. Исходя из содержания базовых ценностей, управление должно быть направлено на предотвращение несущих угрозу общественным идеалам социальных изменений благодаря сохранению устойчивого баланса между господствующими общественными тенденциями. Власть одновременно должна поощрять «полезные» процессы дезорганизации и разбалансирования, за счет которых происходит развитие и обновление общества при сохранении преемственности его базовых ценностей. Далее Лассуэлл формулирует четыре переменные, обуславливающие демократический порядок.

Во-первых, он указывает на одно из ранних открытий цивилизации, которое состоит в том, что для обеспечения человеческого достоинства отдельных членов общества следует избегать крайней поляризации нищеты и богатства [3, р. 36].

Вторая переменная — регулярность социальных процессов. Особо отмечалась необходимость стабилизации производства и смягчение последствий от смены подъемов и спадов в экономике, поскольку в

периоды кризисов лидеры ищут решение либо во внешней агрессии, либо в направленных внутрь репрессивных мерах [3, р. 36, 47-48]. На микроуровне нерегулярность социальных изменений негативно сказывается на возможности человека адаптироваться к внешним условиям. Индивиды и группы, чье влияние растет слишком быстро, склонны пренебрегать мнениями окружающих, и их действия могут приобретать деструктивный характер. Те, кто резко теряют свое привычное влияние, склонны к агрессивному поведению, направляемому либо на других, либо на самих себя [3, р. 17].

Третья переменная обозначалась понятием «реализм». В данном случае Лассуэлл подразумевал открытый доступ к имеющимся фактам о положении и развитии общества, возможность их комментировать с тем, чтобы обеспечить гласность в процесс принятия и реализации политических решений [3, р. 36, 49-50]. Сюда же относится и организация коллективного знания о факторах, обуславливающих поведение индивидов. Моралисты прошлого, обосновав демократические идеалы, мало продвинулись на пути понимания других людей, несмотря на то, что к основным идеалам демократии относится учет лидерами мыслей и чувств своих последователей. Для этого и нужна инструментализация моральных ценностей, которая предполагает опытное знание о механизмах формирования и изменения установок индивидов, добываемое посредством технологичных методов социального наблюдения [3, р. 11-12].

Из анализа посвященных вопросу статей [см. 3, part 1] можно сделать вывод о том, что список «метафизических» ценностей демократического порядка принципиально открыт и может быть дополнен с учетом особенностей культуры (макроуровень), конкретных злободневных проблем и политической ситуации или еще более тщательного изучения классических трудов теоретиков демократии. В связи с операционализацией ценностей могут встать проблемы формирования новых и реконструкции старых институтов, регулирующих распределение ценностей в обществе.

Индивидуализм и холизм: взаимодополнение двух подходов. В фокусе интересов самого Лассуэлла находилась четвертая переменная, относящаяся к качеству функционирования институтов управления, реализуемому в характере межличностных взаимодействий индивидов. Эта переменная — *демократический характер*, и именно она отражает стремление Лассуэлла рассматривать все формы коллективной деятельности, в том числе и институциональные, в индивидуалистских терминах. Стремление двигаться в процессе изучения социальных объектов от части к целому характерно для Чикагской школы социологии, например, 1 при анализе Р. Парком и Э. Берджессом проблем социальных изменений и социального контроля. Именно в «гроссбухе» указанных авторов [4] мы находим развернутое обоснование вводимой Лассуэллом переменной «демократический характер».

Согласно их точке зрения, всякому социальному изменению предшествует определенный этап дезорганизации (как на индивидуальном, так и на социальном уровне), который при нормальном течении сменяется движением к реорганизации. Дезорганизация проявляется в индивидуальных формах поведения, смысл которых — уход от установленного порядка. В качестве показателей были названы повышенная мобильность, тревожность, заболеваемость, преступность. Стремление к социальной организации наблюдается в коллективных формах поведения: забастовках, культурном соперничестве, моде, реформировании, революциях [4, р. 55]. Далее авторы утверждают, что «все социальные проблемы являются проблемами индивида, а все проблемы индивида являются одновременно и проблемами группы» [4, р. 57], поскольку на этапе организации каждая группа стремится создать собственный тип внутри- и внешнегрупповых взаимодействий, и сформированные индивидами групповые типы становятся элементами той социальной структуры, в которую они интегрируются.

В данной формулировке группа трактуется в русле взглядов В. Троттера, Ф. Гиддингса, Г. Тарда (гомогенность, сходные условия, подражание): индивиды действуют вместе, поскольку действуют сходным образом. Вместе с тем Парк и Берджесс отнюдь не отрицали возможность «холистского» подхода, согласно которому люди действуют вместе, потому что имеют общую цель (Э. Дюркгейм). В этих двух подходах нет

абсолютного противоречия, так как «холизм» применим лишь к группам, осознавшим свою общую цель, иначе говоря, к группам организованным [4, р. 31-35]. С учетом этой особенности становится понятным, что на этапе движения к реорганизации именно индивидуалистский подход более адекватен. Логично ожидать, что «индивидуализм» будет играть все меньшую роль по мере продвижения группы к реорганизации. При предельной организованности группа должна полностью растворить в себе индивидов, обеспечив устойчивую стабильность, закрепленную институционально.

Если наша интерпретация верна, то трактовку Парком и Берджессом индивида и общества можно характеризовать как номиналистическую при рассмотрении социальной динамики и как реалистическую при изучении социальной структуры. Подобная амбивалентность свойственна позиции У. Томаса и Ф. Знанецкого, которые в общей социальной теории, как прикладном методе, выделяют социологическую перспективу, изучающую «объективные культурные элементы социальной жизни», и социально-психологическую — изучение «субъективных характеристик членов социальной группы» [5, р. 26]. В социологической перспективе рассмотрению подлежит проблема социального контроля, в социально-психологической — проблема социального изменения, т.е. две центральные проблемы социологии Парка.

Указанные перспективы сходятся в одной точке: понимание процессов социальных изменений и социального контроля, как предварительное условие для управления, предполагает описание механизмов *межличностного* взаимодействия, посредством которых происходит производство новых и воспроизводство старых паттернов социального поведения.

Как шутят «социологически» мыслящие острословы, Робинзон, страдая от одиночества, воссоздает социальную структуру доступными ему средствами: строит три хижины - собственный дом, клуб, посещаемый по субботам, и клуб, игнорируемый. Напротив, человека цивилизации тянет на «клоно природы». Сегодня и мы имеем возможность наблюдать, как фракции раздирают партии на части, чтобы потом, объединившись в «междусобойчики», вновь реорганизоваться, но на новой политической платформе.

Индивидуализм и коллективизм всегда находят свои исторические формы проявления. Одни и те же формы в разных контекстах могут оцениваться диаметрально противоположно с моральной точки зрения. В принципе, оценка (положительная, отрицательная, нейтральная) некоторого действия, как проявления коллективизма или индивидуализма, может даваться в зависимости от (1) трактовки социальной значимости действия и (2) приписываемого этому действию смысла (мотива) в связи с возможными, желательными или нежелательными, социальными изменениями или консервацией по формуле: «а если каждый-его-статуса будет так поступать».

При известной степени дезорганизации некоторые действия теряют былую моральную значимость и переходят в разряд имморальных, сохраняя непосредственную ситуативную ценность. Общекультурные ценности сохраняют свое значение в той мере, в какой они осознаются как значимые каждым индивидом в отдельности при отсутствии внутригрупповых нормативов социального контроля. Выработываемые группой нормы поведения, институты контроля, цели рассматриваются в личностной перспективе ее членов, связанных между собой пока лишь сходством внешних условий. Под внешними условиями, в данном случае, понимается все, что реально контролирует индивидов, находящихся на стадии организации в группу, в том числе и не потерявшие значимости ценностные реалии, обеспечивающие социальному миру преемственность. На этапе дезорганизации группа переживает своего рода регрессию, теряет былые «покровы» социальных признаков, обнаруживая в неприкрытом виде свой характер.

Проблемы социальной динамики и социального контроля нашли свою «инструментальную» интерпретацию и в трудах главы Чикагской политической школы Ч. Мерриама. В книге «Новые аспекты политики» (1925) он писал о необходимости целенаправленно поддерживать динамическое равновесие в обществе между диаметрально противоположными тенденциями. Следовало стремиться к снижению социально ущерба от спонтанной массовой политической активности и

одновременно — к раскрепощению созидательных возможностей человеческой природы. Среди событий, наносящих обществу наибольший вред, были названы международные военные конфликты, сопровождающиеся гражданской войной революции, недостаточная интегрированность в общество отдельных индивидов и целых классов, а также коррупция, эксплуатация и пассивность рядовых граждан ввиду неспособности преодолеть собственную инерцию и изменить направленность своей деятельности в меняющемся мире. При этом Мерриам прекрасно осознавал, что, например, войны имеют отнюдь не психологическую природу, а являются результатом рационального выбора средств. Но сама возможность военного конфликта, по его мнению, должна иметь социально-психологическое объяснение.

Для раскрепощения политических возможностей граждан Мерриам считал необходимым исключить из практики социального контроля страх, прямое насилие, магию и рутину: то, что может привести к образованию или обострению конфликтов. Негативные общественные явления и неадекватные методы социального контроля отрицательно сказываются на продуктивности общества и социальном самочувствии граждан — слагаемых человеческого благополучия [7, p. 51-52].

«Демократический характер». Формулируя четвертую обуславливающую переменную, Лассуэлл руководствовался гипотезой, согласно которой функционирование институтов власти на благо демократии может обеспечиваться при условии, когда индивиды с демократическим характером будут если не преобладать численно, то хотя бы занимать ключевые позиции.

Сам термин «характер» в чикагской традиции обозначал «не более чем сумму и координацию механизмов, называемых навыками (*habit*), которые формируются на базе врожденных инстинктивных наклонностей и диспозиций» [4, p. 78]. По-видимому, он соотносим с первым уровнем диспозиционной структуры личности, предложенной В.А. Ядовым, а именно, с уровнем системы элементарных фиксированных установок, формирующихся на основе витальных потребностей в наиболее простых ситуациях и характеризующихся отсутствием когнитивного компонента, т.е., неосознаваемостью [6, с. 95].

В определении характера важным компонентом является понятие «зрелость» в смысле высокой степени внутренней интеграции, достигаемой в процессе становления личности посредством выработки скоординированных адаптивных навыков [3, p. 50]. Как отмечал Лассуэлл, долгое время считалось, что личность в переходный период социального созревания неизбежно должна пройти этап «бури и натиска». Однако эмпирические исследования показали, что за дезадаптивное поведение подростков ответственность несут не «темные силы» человеческой природы, а некоторые «цивилизованные» способы воспитания и социализации, порождающие внутриличностное напряжение, которое находит выход в деструктивных действиях [3, p. 247]. Общество может сохранять демократический порядок, когда в нем преобладают личности с минимальными отклонениями от психической нормы [3, p. 37].

В качестве наиболее общего признака демократического характера (нормы) Лассуэлл выделял чувство собственного достоинства в сочетании с уважением окружающих, тем самым допуская возможность производить смысловую дифференциацию элементарных установок уже на «докогнитивном» уровне и вычленять и личностный, и «объективный» (социальный) смысл неосознаваемых индивидом компонентов поведения. Ссылаясь на исследования девиантов-подростков, он утверждал, что индивид с нарушенной из-за отклонений в формировании характера самооценкой становится опасным для себя самого и окружающих. Личность, чья базовая структура (характер) оказывается не совместимой с идеалом взаимного уважения, на сознательном уровне может принимать демократическую доктрину. Это важно учитывать, поскольку в стрессовых ситуациях характер личности оказывает глубинное воздействие на морально значимое поведение (*conduct*). Лассуэлл ссылается также на Э. Фромма, который, обнаружив в нацистской Германии несоответствие между декларируемыми демократическими принципами и характером людей, причислявших себя к социалистам, увидел в этом главную слабость поддерживавших республику партий [3, p. 51].

Он приводит примеры из военной истории, когда солдат, горящих желанием защитить Родину, вдруг охватывает паника или даже паралич. В

таких случаях личность раздваивается и начинает вести борьбу с сознательно принятыми моральными ценностями. По сути, то же самое может происходить и в менее экстремальных ситуациях, например, когда, занимая официальный пост, индивид искренне желает трудиться на благо общества, однако устойчивые неосознаваемые личностные шаблоны взаимодействия с окружающим миром приводят к нежелательным результатам [3, p. 13-14].

Психоанализ как метод «прояснения» ценностей. Одной из целей своих исследований Лассуэлл считал широкое распространение психологических методов достижения внутренней интегрированности личности для устранения конфликта между неосознаваемыми влечениями и привычками, с одной стороны, и сознательными моральными интенциями, с другой.

Стратегия «прояснения» ценностей в принципе применима к процессу управления любого уровня. Выступая в роли исследователя и социального инженера, Лассуэлл не претендует на специальные полномочия по отношению к политическому руководству. Для отправления своих функций он не нуждается в особом «суверенитете» от «мирской» функциональной власти, который обеспечивается личной харизмой или принадлежностью к институту, стоящему над (или вне) государства. Социальному инженеру не нужна точка опоры вне социума, потому что он не должен ничего переворачивать.

При этом некоторые исследователи небезосновательно причисляют Лассуэлла к элитаристам. Политические руководители, т. е., определяющие приоритеты (не важно в какой области и на каком уровне — в политике, на производстве, в культуре, в науке), составляют элиту, двигатель социального развития. Они (естественно) отбираются по личностным качествам, точнее, по особым психологическим характеристикам, свойственным так называемому политическому типу *homo politicas*. Истинный политик (*politician*), по определению Лассуэлла, опирается на свои личностные ресурсы (мотивы) и отличается от государственного деятеля (*stateman*) тем, что последний может использовать организованное насилие. Политик, являясь функцией демократически организованного общества, действует лишь мерами убеждения и не может действовать с позиции силы [8, p. 48]. Политик должен обладать харизмой, но этого недостаточно, потому что фактически тоже лишен суверенитета от управляемого им демократического общества: лидер — это функция группы.

Хотя и неявно, в трудах Лассуэлла 30-40-х годов присутствует тема ролевых отношений между политиком и социальным инженером, ученым-преобразователем. Указанные взаимоотношения являются как бы сколком отношений между лидером и обществом в целом. Здесь совсем: не обязательно видеть «метафизическую» приверженность демократическим традициям, это, скорее, рассудочный реализм.

Политик, как представитель элиты, — личность в определенном смысле универсальная. В силу его социальной функции он смотрит на инженера, как аристократ на профессионала, как философ на ремесленника. Узкий специалист, претендующий на руководство политиком, получит в ответ настороженное отношение в лучшем случае, а в худшем — презрение. Насколько это верно, можно спросить у «сходивших во власть» специалистов, не добившихся признания политических элит. В условиях жесткого ролевого разделения труда специалист должен быть абсолютно проницаемым для силовых полей власти, чтобы максимально реализоваться в качестве наблюдателя, советника и активного (!) участника политического процесса.

Политики, руководствуясь обычным здравым смыслом, не пускают «умников» дальше передней, опасаясь оказаться «на улице». Сходной модели придерживаются некоторые авторы в объяснении восхождения Сталина на вершину власти. Малокультурный — не знал иностранных языков, заурядный (?) — создал по своему подобию бюрократическую систему «винтиков», оказался выдающимся специалистом по социологии организаций и с помощью аппаратных «игр» устранил большевистскую элиту «настоящих» политиков.

Лассуэлл выбрал, по-видимому, единственный реальный способ вместить политику с наукой — привить лидерам научные психологические знания, открыть глаза на человеческую природу — источник неосознаваемых страстей и ценностных предпочтений, нарушающих,

строгую логику целерационального действия. Но даже этот, казалось бы, наименее болезненный вариант союза науки и политики не мог не вызвать подозрений со стороны правящих элит.

Еще Фрейд указывал, что наука нанесла три серьезных оскорбления наивному самолюбию человечества. Первое, когда оно узнало, что земля — не центр Вселенной, второе — что человек произошел из животного мира. Третий «... самый чувствительный удар по человеческой, мании было суждено нанести современному психоаналитическому исследованию, которое указало Я, что оно не является хозяином в своем доме, а вынуждено довольствоваться жалкими сведениями о том, что происходит в его душевной жизни бессознательно» [9, с. 181].

Из всех психоаналитических теорий Лассуэлл явное предпочтение отдавал теории Фрейда. Относительно быструю адаптацию трехуровневой структуры личности психоаналитического направления на американской почве можно объяснить ее сходством с базовым посылом прагматизма, согласно которому человеческая деятельность включает три аспекта: биологический, психологический и этический (социальный) [10, р. 29]. Существование собственной традиции исключало некритическое принятие доктрины во всех ее деталях.

Так, например, У. Томас, У. Уитерли, Р. Парк, С. Чэпин и У. Огберн не принимали фрейдовское понятие *libido* в его сексуализированном варианте, однако это не мешало принимать другие его теоретические конструкции [11, р. 35]. То же справедливо и для Лассуэлла, который в 1939 г. писал, что по мере того, как идеи Фрейда включаются во все более широкий спектр научных исследований, его специфическая терминология исчезает из научного обихода. Оставалась плодотворной его позиция наблюдателя при изучении личности в социальном контексте, которая оказывается способной предоставлять все новые данные, как соответствующие, так и противоречащие его первоначальным гипотезам [3, р. 287].

«За скобки» оказались вынесенными многие споры, принципиальные для клиницистов. В «Психопатологии и политике», кратко охарактеризовав позиции Фрейда, Адлера и Юнга, Лассуэлл «оставил в стороне» частности упомянутых теорий и двигался «в свете» приведенных концепций [8, р. 74], а 30 лет спустя в послесловии ко второму изданию признал, что данный труд был написан не профессиональным психоаналитиком, а профессиональным исследователем политического поведения [8, р. 271-272].

Лассуэлл, продолжая традицию Фрейда, сосредоточил свое внимание на тех аспектах социального действия, которым не было места в рационалистической картине мира. Следует отметить, что, несмотря на существенное сходство психоаналитической теории с доктринами местного происхождения, отношение к фрейдизму в США в 20-е годы и позднее было далеко не однозначным. Практическое обращение к методу психопатологии, тем более в сфере политики, требовало серьезного обоснования для академической публики, весьма подозрительно относившейся к подобным экзерсисам.

Р. Гринкер писал, что эксперименты Лассуэлла, в качестве исследователя политического поведения, по регистрации физиологических показателей во время психоаналитического интервью привели в ужас руководство Медицинской школы при Чикагском университете, а после его публикации «Психопатологии и политики» (1930) Нью-Йоркский институт психиатрии запретил своим сотрудникам делать записи бесед со своими пациентами [12, р. 107-108]. А. Рогоу вспоминал, что даже в 1948 г. в Принстоне утверждение о возможности психологического, тем более, психиатрического подхода к политике, было неслыханной дерзостью, и ученые мужи скорее согласились бы броситься с крыши, чем признать вклад в изучение политики «мерзкого старикашки Фрейда» [13, р. VII].

Метод и теория психоанализа позволяли, по мнению Лассуэлла, приобщить государственных мужей к научному взгляду на социальный мир (в том числе и на самих себя) и более ответственно подходить к сформулированным в науке проблемам социального контроля и социальной динамики. Не исключено, что трактовка процессов макроуровня давалась в «индивидуалистской» терминологии для большей наглядности.

Лидер формирует характер коллектива, планирует структуру его функциональных ролей, исходя из собственной субъективной трактовки

стоящих перед коллективом объективных задач и возможности привлечь в качестве сотрудников людей с определенными личными качествами

Руководство обходится «дешевле» в случае, когда запланированные функции выполняют люди, чьи особенности характера соответствуют возложенным на них функциям и характеру коллективного (структурного) целого. На практике оценка соответствия дается в терминах «эффективности», ответственность за которую возлагается на лидера.

Лассуэлловский метод анализа и достижения внутриличностной интегрированности направлен на устранение имеющих психологические корни двоемыслия и непоследовательности в действиях (то, что А. Бек в романе «Новое назначение» назвал «сшибкой»). В соответствии с этим, идеальный коллектив представляет «сильную» систему, поскольку состоит из «сильных» элементов, сбалансированных в плоскости их функций. При этом личностные особенности индивида не просто учитываются — именно ими и ценен индивид для коллектива.

Чем сложнее набор совмещаемых функций, тем многообразнее параметры, подлежащие отслеживанию на предмет равновесия во взаимодействии внутриличностных факторов и факторов среды. В первую очередь это справедливо для лиц, занимающих ответственные посты высокого ранга. Независимо от процедуры назначения руководителей (выборы, селекция или признание *ex post factum*) главная цель «равных», выбирающих «первого», состоит в обеспечении эффективного управления собой и, таким образом, в предсказуемости поведения избираемого. Поскольку лидеру высокого ранга постоянно приходится принимать самостоятельные решения, с точки зрения «равных», «первый» должен обладать свойствами умной «машины», самопрограммирующей свое поведение в рамках заранее одобренного репертуара действий. Залогом предсказуемости поведения является зрелость (цельность) характера. Это особенно важно, когда конкретная ситуация требует выдвижения «сильного» лидера, который бы не оказался средством, опаснее подлежащей искоренению болезни. Подобные ситуации требуют рассматривать индивида не как «человеческий фактор», не как «ресурс», а как многогранную личность [14, с. 36].

Помимо развернутой топологической картины «черного ящика» человеческой «души», ценность фрейдовского психоанализа заключалась в особенностях интервью как исследовательского инструмента, рассмотрению которого Лассуэлл посвятил короткую, но весьма важную в теоретическом отношении статью [3, р. 287-295]. Представители враждующих школ психоанализа, а также практики, не относившиеся к клиницистам, предлагали различные модификации интервью, различавшиеся ролевым статусом интервьюера и интервьюируемого. В зависимости от трактовки целей, процедуры и способа их достижения первый мог полностью подчинять себе второго, а мог, напротив, предоставить пациенту полную свободу. Замысел психоаналитического интервью состоял в том, чтобы научить пациента самоанализу, чтобы обходиться без помощи «терапевта» и самому распознавать психологические по своей природе внутренние противоречия. Объектом анализа было психологическое состояние личности (*insight*), целью — сознательное устранение противоречий на основе знания причин их возникновения. Именно на этом сосредоточил свое внимание Фрейд, в отличие, например, от религиозных практиков, ставивших целью индоктринацию, т. е., усиление положительных чувств к одобряемым символам отрицательных — к несовместимым с ними чертам личности самого «пациента» и окружающих его людей.

Условие эффективности психоаналитического интервью — свобода от категорий предпочтения, поощрений и наказаний. Все результаты инсайта обладали моральным равноправием. Пациенту в результате самоанализа следовало установить действительные предпочтения, а аналитик должен ему в этом помогать, систематически провоцируя сомнения в верности интерпретации своих поступков. Субъект, свободный от моральных ограничений в самоанализе, осознав реальные предпочтения, испытывает глубокие изменения в собственном сознании, так как одни предпочтения, оказавшись в фокусе сознания, усиливаются, другие претерпевают изменения, третьи угасают. Сознательный «пациент», таким образом, получает в свое распоряжение инструмент для целенаправленного самосовершенствования и адаптации к текущей реальности разворачивающихся по непознанным законам внешнего и внутреннего

миров.

Широкое распространение психоанализа должно было бы увеличить влияние рационального компонента в политической практике и, соответственно, снизить роль неосознаваемых мотивов поведения (id), с одной стороны, и оторванных от реальности утопических конструкций (super-ego), с другой. Это особенно важно, когда социальный организм переживает переходный период формирования новых ценностных ориентиров.

Литература:

1. Shils E. Reflections on Deference // Politics, Personality and Social Sciences in the Twentieth Century: Essays in Honor of Harold D. Lasswell / Ed. by Rogow A.A. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1969. P. 297-346.
2. Lasswell H. D. Power and Personality. N.Y.: Norton, 1948.
3. Lasswell H. D. The Analysis of Political Behavior: An Empirical Approach. London: Routledge and Kegan Paul, 1949.
4. Park R. E., Burgess E. W. Introduction to the Science of Sociology. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1924.
5. Thomas W. L, Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group. Vol. 1. Boston: Badger [1918].
6. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С.89-105.
7. Merriam СИ. New Aspects of Politics. Chicago: The Univ. of Chicago Press, [1925].
8. Lasswell H. D. Psychopathology and Politics. New York: The Viking Press, 1960.
9. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1991.
10. Bulmer M. The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1984.
11. Schwendinger H., Schwendinger J. R. The Sociologists of the Chair: A Radical Analysis of the Formative Years of North American Sociology (1883 - 1922). N.Y.: Basic Books, 1974.
12. Grinker R. R. Psychoanalysis and the Study of Autonomic Behavior // Politics, Personality and Social Sciences in the Twentieth Century: Essays in Honor of Harold D. Lasswell / Ed. by Rogow A.A. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1969. P. 107-122.
13. Rogow A. A. Preface // Politics, Personality and Social Sciences in the Twentieth Century: Essays in Honor of Harold D. Lasswell / Ed. by A.A. Rogow. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1969. P. VII-X.
14. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991.